

Г. Л. Муравник

«Ложные идеи — величайшее препятствие на пути Благой Вести...»

В статье представлен взгляд на возможности синтеза науки и религии. В настоящее время для формирования доктрины современной Церкви необходим диалог эволюционной биологии и христианского богословия, который позволит выразить провозвестие в форме, адекватной адресатам проповеди, т. е. людям, живущим в «век науки». Это одна из важнейших миссионерских задач. В статье критически рассматривается альтернативный подход к выстраиванию такого диалога — феномен «научного креационизма», вскрываются причины методологической, онтологической, богословской несостоятельности этой стратегии, ее неадекватности научной картине мира. Апеллируя к современным исследованиям механизмов эволюции, автор показывает, как может быть прочитан Шестоднев с учетом нового понимания феномена эволюции. Представленный взгляд на эволюцию позволяет снять предъявляемые ей претензии, она перестает быть интеллектуальным соблазном, становясь пространством Божественного Откровения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эволюция, научный креационизм, креационисты, дарвинизм, гомеозисные гены, телеологическая эволюция, тихогенетическая эволюция, гибридизация, видообразование.

Названием статьи послужила мысль Дж. Гришэма Мэкена, богослова из Принстона. Дискуссия об эволюции, которая ведется более ста пятидесяти лет, — яркая иллюстрация этих слов.

В разные эпохи в христианской вести актуализировались разные аспекты. В наш век науки наиболее актуальна весть о том, что научная картина мира не вступает в конфликт с религиозным взглядом на его возникновение. Если принять, что одной из целей христианского богословия является формирование доктрины современной Церкви, в которой было бы выражено провозвестие в форме, адекватной адресатам проповеди, то в решении этой миссионерской задачи не обойтись без взаимодействия с наукой. Взаимоотношения науки и богословия могут осуществляться в разных формах, одна из которых — диалог. Для его осуществления

нужен поиск и определение тех нормативных и методологических правил, по которым он будет выстраиваться. Одним из условий для продуктивного, а не декларируемого диалога должен стать принцип дополнительности, когда сложные научные феномены, лежащие в области обоюдного интереса, рассматриваются как проблемные ситуации для богословской рефлексии. «Если наука и богословие пойдут путем взаимного ограничения своих интеллектуальных притязаний, тогда, возможно, они достигнут не только взаимопонимания. Они смогут взаимно дополнять друг друга» [Филарет (Вахромеев)]. Речь идет о проблемах, лежащих на стыке «гетерогенных зон» (термин, предложенный Станиславом Вишолком, [Вишолек]) науки, философии, богословия. К их числу могут быть отнесены те научные проблемы, которые порождают вопросы, не находящие удовлетворительного ответа в рамках собственных исследовательских программ, а именно:

- возникновение вселенной;
- происхождение первичных форм жизни и последующая эволюция живого;
- появление и природа человека.

Однако такой междисциплинарный подход требует от исследователя, ступающего на «чужую территорию», не только профессионализма, но в не меньшей степени и богословской культуры. Сегодня мы имеем поучительный пример того, к чему может привести благое желание соединить данные науки и Откровения при несоблюдении поименованных «стартовых» условий. Речь идет о так называемом научном креационизме (другие самоназвания — «наука о способе творения мира Богом», «наука о происхождении», «креационная наука», в последние годы появилась его мимикрическая модификация под названием *Intelligent Design* — «Разумный замысел»).

В строгом смысле креационизм (от лат. *creatio* — «творение») — это учение о творении Богом мира и человека. Следовательно, каждый христианин, по сути, является креационистом. Однако в XX веке этот термин получил несколько иное семантическое наполнение, взяв на себя функции христианской естественно-научной апологетики. «Научный креационизм — это учение о том, что мир и все живые существа были сотворены Богом сразу, лично, в едином вневременном акте и с тех пор не претерпели никаких улучшающих породу изменений», — таково определение одного из креационистов, священника Тимофея Алферова [Алферов, 7]. Современные последователи креационизма

заявляют, что ищут науку, не враждебную христианству, которая сделала бы возможным примирение многолетних оппонентов в лице науки и богословия. Таким образом, научный креационизм — это учение, претендующее на научный статус.

Поставленная задача хоть и непростая, но актуальная. Какими же средствами она решается, и какова методология научного креационизма? В целом она основана на противостоянии современной гносеологии путем ревизии научных гипотез, теорий, концепций и придирчивой выборки тех из них, которые не вступают в противоречие с текстом Откровения, в частности 1–2-й глав книги Бытия. Однако следует внести уточнение: «научные креационисты» опираются лишь на то толкование Шестоднева, которое признается ими единственно истинным, а именно — буквальное. Эта экзегетическая традиция есть детище фундаментализма — (псевдо)богословской методологии, имеющей характерное вневременное мироощущение и понимающей богословие как статичное описание вневременных истин. Что касается научной составляющей, то достижения наук, вернее то, что от них остается после тотальной «инвентаризации» и «редукции», эксплуатируются лишь как средство для реализации этой цели. Анализ явления под названием «научный креационизм» приводит к выводу о его нетождественности христианству и непригодности креационистско-фундаменталистской методологии для решения той миссионерской, апологетической задачи, которая была поставлена. Рассмотрим аргументы в пользу этого утверждения.

В исторической ретроспективе рождение научного креационизма происходило при следующих обстоятельствах. После появления работы Ч. Дарвина «*The Origin of Species*» (1859) [Дарвин. *Происхождение*] вспыхнула острая полемика вокруг предложенной им модели эволюции на основе естественного отбора. Этот поток критики, который исходил как из богословского, так и научного сообщества, стал питательной средой, породившей научный креационизм. Его можно рассматривать как «аллергическую реакцию» на дарвинизм, получивший со временем признание и взявший на себя функции новой научной парадигмы.

Основателем научного креационизма можно считать американского инженера-строителя, специалиста в области инженерной геологии Генри Морриса, перу которого в соавторстве с протестантским теологом-фундаменталистом Джоном Уиткомбом принадлежит книга «Библейский потоп», изданная в 1961 г. [Whitcomb, Henry]. В этой работе сформулированы базовые

положения научного креационизма. Фактически был брошен вызов всей позитивной науке, сформировавшей к середине XX века научную картину мира. Книга имела громкий резонанс, издавалась огромными тиражами, переводилась на европейские языки. Миссионеры вели проповедь, основываясь на данных, почерпнутых на ее страницах. Вдохновленный успехом, Г. Моррис организовал в Сан-Диего (Калифорния, США) «Общество креационных исследований», учредил «Журнал научных креационистов», в 1972 г. был создан Институт с одноименным названием. Число сторонников креационизма в США, а вскоре и за его пределами, быстро росло. Под руководством Морриса развернулась невиданная по своей активности деятельность: начался выпуск видеофильмов, издание учебной и популярной литературы, рассчитанной на разные возрастные группы, буклетов, плакатов, листовок. Стали проводиться международные конференции, конгрессы и пр.

Надо отметить, что у научного креационизма были свои духовные предшественники, вернее, предшественница. Это основательница движения адвентистов седьмого дня Елена Уайт, которая, основываясь на полученных ею «откровениях» («видениях», «озарениях» — трудно сказать, что это был за феномен) фактически сформулировала те базовые положения, на которых стоит современный креационизм. Для адвентистов седьмого дня центральным является требование исполнения заповеди о почитании субботы как дня покоя. Основываясь на буквальном толковании текста четвертой заповеди ^{*1}, Е. Уайт обвинила традиционное христианство, заменившее субботу воскресеньем, в ее искажении. Буквальная шестидневная неделя творения (6×24 часа), завершившаяся буквальным днем Божественного отдыха, является основным аргументом адвентистов в споре с традиционным христианством. Отсюда вытекает принципиальная невозможность для сторонников этого направления никакого иного толкования Библии, кроме буквального. Елена Уайт писала: «Предположение, что все события, происшедшие в течение первой недели, якобы, развивались на протяжении многих тысячелетий, наносит прямой удар по основанию Четвертой Заповеди» [цит. по: *Ромашко*, 59]. Ее последователь, школьный учитель Мак-Криди Прайс, окончательно сформулировал основные положения будущего научного креационизма, а один из учеников Прайса впервые применил термин «креационизм» по отношению именно к этому учению. Таков протестантский, фундаменталистский источник, питающий научный креационизм.

*1 Исх 20:8–11

Надо отметить, что за годы правления президента Дж. Буша (младшего) американский научный креационизм пережил невиданный расцвет, если судить по объемам продаваемой литературы, поступающим пожертвованиям, количеству посетителей их web-сайтов. В Сиэтле создана штаб-квартира последователей *ID (Intelligent Design)*, на базе которой организован «*Discovery Institute*». Лозунг, начертанный теперь на их знаменах, сформулирован как «Творение без компромисса!». Провозглашена стратегическая цель — сделать концепцию Божественного творения основой всей науки.

Плоды столь энергичной деятельности не заставили себя ждать. И хотя суд штата Пенсильвания в 2005 г. отклонил иск с требованием о введении преподавания в вузах *ID* вместо теории эволюции, адепты креационизма все же одержали ряд локальных побед. Вот некоторые примеры. В Германии в частном колледже Августа Бергмана, имеющем государственную аккредитацию, учащимся преподается курс *ID*. Однако Министерство образования Германии считает, что это — вполне допустимая образовательная стратегия, порождающая плодотворную дискуссию при изучении сложных научных проблем. Министерство образования Голландии также поддержало в парламенте идею преподавания *ID*. И это несмотря на то, что европейские законодатели на осенней сессии 2007 г. Парламентской ассамблеи Совета Европы в Страсбурге (Франция) большинством голосов приняли резолюцию № 1580 «Опасность креационизма для образования» («*The dangers of creationism in education*»), в которой осуждаются попытки введения в школьные программы преподавания креационизма («за» высказались 48 членов ПАСЕ, «против» — 25, воздержались — «3») [*Резолюция*].

Но научный креационизм сегодня нельзя считать чисто христианским феноменом. Существуют его иудейский и исламский варианты. В исламе он известен под названием *The Atlas of Creation* — «Атлас креационизма», который распространяется в школах Бельгии, Франции, Испании и Швейцарии. Особую активность проявляет турецкий автор Adnan Oktar, пишущий под псевдонимом Харун Яхья, перу которого принадлежит порядка 150 книг агрессивного антиэволюционного содержания («Обман эволюции» и др.). Часть этих сочинений переведена на русский язык, они продаются даже на ежегодной книжной ярмарке в Москве. Появились «научные креационисты» и в лоне РПЦ. В 2000 году в Москве создано научно-апологетическое общество

«Шестодневъ», пассионарности которого могли бы позавидовать даже Г. Моррис и Харун Яхья.

Будучи жесткими, бескомпромиссными противниками идеи эволюции, «научные креационисты» сформулировали ряд собственных теоретических положений, наиболее существенными из которых являются следующие:

- вселенная со всеми наполняющими ее объектами, включая жизнь, возникла мгновенно, из ничего;
- вселенная, Земля, все многообразие живых организмов, включая человека, возникли 7500 (не более 10000) лет назад;
- каждый вид сотворен Богом лично, дискретно, в едином вневременном акте;
- все виды неизменны с момента их сотворения;
- все виды, вымершие и живущие ныне, существовали одновременно на допотопной и послепотопной Земле;
- эволюция не может привести к морфофизиологическому прогрессу — развитию сложных организмов из простых, а значит, она не происходит;
- видообразования после завершения недели Божественного творения не происходит;
- человек не произошел в ходе эволюции от низшего предшественника, он сотворен Богом из праха земного (глины) и оживлен Дыханием Божьим;
- до грехопадения в мире отсутствовали страдания, болезни, смерть, поскольку причиной появления этих феноменов было грехопадение человека;
- геологических эр и периодов не существует, поэтому палеонтологическая летопись не свидетельствует о смене флор и фаун;
- расположение геологических пластов объясняется теорией катастроф, включая большой потоп, который длился один год в промежутке между 8-м и 4-м тысячелетиями до Р. Х.;
- вследствие потопа имела место инволюция — вымирание видов.

Здесь следует внести уточнение. В последние годы появились «прогрессивные» креационисты, готовые признать возможность микроэволюции, т. е. эволюции в пределах вида, иногда даже рода, например, за счет гибридизации. Однако этот вынужденный компромисс мало что меняет. Идея эволюции, понимаемой современной наукой как поэтапное историческое направленное развитие природы, по-прежнему остается для них непреодолимым интеллектуальным соблазном и источником всех бед и страданий в мире.

Однако отрицание факта исторического развития природы вынуждает «научных креационистов» искать иные объяснения наблюдаемым природным феноменам. При этом вместо полноценного научного исследования они ограничиваются лишь констатацией чуда Божественного творения, что, в конечном счете, приводит не только к упрощениям, но и к откровенной профанации. По этой причине основные положения научного креационизма — это отрицательные высказывания, не предлагающие ничего взамен ниспровергаемому им эволюционизму. Вместо исследовательских программ предъявляются лишь ссылки на Священное писание, Предание и вырванные из контекста цитаты некоторых, тщательно отобранных святых отцов. А те многочисленные научные факты, которые не укладываются в их схему, объявляются неверными или сфальсифицированными и попросту игнорируются.

Так во всех их работах резкой критике подвергаются методы геохронологии на том лишь основании, что датировки, полученные с их помощью, на много порядков превосходят предельный возраст вселенной, который «научные креационисты» считают истинным — 7,5–10 тыс. лет. Эта скромная цифра получена путем калькуляции возрастов библейских патриархов, упоминаемых в 5-й главе книги Бытия, которая, как и Шестоднев, понимается ими строго буквально. Чтобы придать этой цифре наукообразный характер, без тени сомнения утверждается, что период полураспада радиоизотопов, используемых для датирования, есть величина переменная, равно как и такая фундаментальная константа, как скорость света в вакууме, поэтому их современные значения отличаются от значений в неделю творения, а следовательно все датировки неверны. Таковы «научные» основания «Теории молодой Земли» — детища «научных креационистов». А целому созвездию наук, от космологии до стратиграфии и палеонтологии, объявляется «вотум недоверия».

Но основной огонь критики «научные креационисты» сосредоточили исключительно на наследии Ч. Дарвина — предложенной им модели эволюции на основе естественного отбора, а также на его гипотезе о происхождении человека от низшего предшественника. Однако внимательный читатель работ Ч. Дарвина не может не задуматься над такими его строками из письма близкому другу геологу Ч. Лайеллю: «...я не вступаю ни в какие споры с Книгой Бытия, а привожу лишь факты и некоторые заключения из них, которые мне кажутся справедливыми». И далее: «При современном

состоянии наших знаний мы должны допустить сотворение одной или нескольких немногих форм (курсив наш. — Г.М.), точно так же, как физики допускают существование силы притяжения без объяснения ее» [Дарвин. *Мирозерцание*, 26]. Примечательно, что «Происхождение видов» Ч. Дарвин завершает такими строками: «Есть величие в этом воззрении на жизнь с ее различными силами, изначально вложенными Творцом в одну или незначительное число форм... (курсив наш. — Г.М.); из такого простого начала возникали и продолжают возникать несметные формы, изумительно совершенные и прекрасные» [Дарвин. *Происхождение*, 591]. Поэтому даже Дарвина можно, в некотором смысле, считать креационистом — в исходном значении этого термина.

Однако нельзя забывать, что дарвинизм — отнюдь не первая и далеко не единственная эволюционная модель. За 150 лет, минувших после публикации работы Ч. Дарвина, создано несколько десятков эволюционных сценариев. В недрах эволюционной биологии ведутся дискуссии, порой чрезвычайно острые, но вовсе не о факте эволюции, поскольку этот вопрос давно не подлежит сомнению (как и то, что Земля имеет форму шара), а о ее механизмах, факторах, движущих силах, скорости, траектории, причинах изменений, целеполагании и пр. Но общий знаменатель, объединяющий все эволюционные модели, — принципиальное признание факта изменчивости видов во времени. Это положение и является предметом нападок (научной критикой в силу некорректности это назвать невозможно) со стороны «научных креационистов». Их возражения сводятся к нескольким банальным, не основанным на современном научном знании утверждениям-возражениям, которые кочуют из одной работы в другую:

- никому не удалось получить ни один новый вид;
- гибридизация видов не приводит к видообразованию;
- никто никогда не наблюдал перехода одного вида в другой;
- никто никогда не обнаруживал переходные формы между видами и пр.

Повторяющийся набор этих и ряда других возражений можно найти в любой книге по научному креационизму. Однако показать научную несостоятельность данных претензий нетрудно. Отмечу лишь, что критика эволюционизма со стороны креационистов в течение многих десятилетий не продвинулась вперед ни на шаг. Креационисты не предложили взамен абсолютно ничего, демонстрируя тем самым свою методологическую беспомощность. А неоднократно задаваемый вопрос, почему они столь нелояльно

относятся лишь к дарвинизму, отождествляя целую науку с именем одного, пусть и наиболее известного из ее создателей, и при этом манкируют остальными, постдарвиновскими сценариями эволюции, остается без ответа.

При таком подходе эпитет «научный» в приложении к креационизму выглядит неоправданно. Креационисты не ведут самостоятельный, альтернативный научный поиск, а откровенно паразитируют на сложных, дискуссионных вопросах, с которыми сталкивается любая наука, и эволюционная биология тут не исключение. Креационисты обсуждают не проблемы эволюции, а мифы о ней, созданные ими же.

Протоиерей Глеб Каледа, доктор геолого-минералогических наук, анализируя феномен «научного креационизма», пришел к неожиданному, но весьма тонкому заключению, что креационисты смешивают два понятия — мировоззрение и миропредставление: «Мировоззрение — это общее принципиальное осознание сущности мира, его Начала начал и конца, положения человека в мире. Мировоззрение определяет характер личностного отношения человека к миру и себе подобным, смысл его жизни. Миропредставление — результат наблюдений за конкретными эмпирическими феноменами мира, результат умозрений и практической деятельности, сумма знаний о законах и закономерностях в природе, о строении материи» [Каледа]. Далее отец Глеб резюмирует: «Мировоззрение современных христиан — то же, что и мировоззрение свт. Василия Великого и апостола Павла, но наше миропредставление отличается не только от их миропредставления, но и от взглядов людей начала XX века» [Каледа]. Методологическая путаница между указанными категориями приводит к тем искажениям, которые демонстрирует научный креационизм. Между тем нет никаких текстологических или догматических оснований для отвержения эволюционного взгляда на становление мироздания.

На книжных прилавках наших храмов представлен широкий ассортимент литературы по научному креационизму. Если в 90-е годы это были книги западных авторов — протестантских богословов-фундаменталистов и популяризаторов, пишущих за пределами области своей профессиональной компетенции, то теперь ситуация изменилась. Появилось немало работ, написанных российскими «научными креационистами», как правило, не имеющими специального биологического образования. Во всех изданиях муссируется один и тот же набор «фактов», одни и те же клишированные примеры, свидетельствующие о том, что авторы

публикаций находятся вне контекста современной эволюционной биологии. Чтобы найти какую-либо оригинальную, не заимствованную идею, надо проштудировать горы этих памфлетов.

Однако такой дайджест позволяет выявить ряд «диагностических признаков» креационистских публикаций. Они следующие:

- Каждая книга (брошюра) имеет благословение либо патриарха, либо кого-либо из высоких церковных иерархов. Как получены благословения на столь сомнительные, изобилующие огромным количеством ошибок работы, — вопрос открытый.

- Полемика ведется в агрессивной, оскорбительной, обструктивной манере. На одной из конференций, проводившейся под эгидой организации «Ответы книги Бытия» (США), было провозглашено, что «теория эволюции — это корень мирового зла», поскольку признание факта эволюции в природе приводит к появлению греха. Следовательно, эволюция, как заявили участники конференции, ответственна за все зло, существующее в мире, — терроризм, стихийные бедствия, гомосексуализм, войны, даже за приход Гитлера к власти и все последующие преступления фашизма. Один из отечественных «научных креационистов», глава общества «Шестодневъ» иерей Константин Буфеев, участвуя в дискуссионной передаче на телевидении (ТВЦ, 17 января 2008 г.), сделал не менее радикальное заявление о том, что «дарвинизм — это еретическое учение, насажденное дьяволом» [цит. по: *Мамонтов*, 2].

- Фактологическая база, на которую опираются «научные креационисты», безнадежно устарела. Они оперируют данными, которые в научной литературе последних десятилетий получили иную интерпретацию. Так они по сей день «доказывают», что археоптерикс не является переходной формой между классами рептилий и птиц, а коль так, то вывод один — «эволюции нет». Однако достаточно обратиться к современным работам, например, ведущего российского палеоорнитолога Е. Курочкина, чтобы узнать, что никакого парадокса здесь нет, поскольку «археоптерикс представляет высокоспециализированную и тупиковую ветвь эволюции тероподных динозавров... Он был оперенной рептилией, одновременно и летавшей, и лазавшей, и бегавшей по земле» [*Курочкин*, 52]. Но это вовсе не отменяет факт макроэволюции. В последние годы обнаружены другие претенденты на роль переходных форм между указанными классами позвоночных, но о них из креационистской литературы узнать невозможно.

- Отрицание достижений современного естествознания — непрменный атрибут креационизма; это касается возраста Земли, геохронологии, шкалы биологического времени, палеонтологических реконструкций и многого другого.

- Тенденциозное манипулирование научными данными: если тот или иной факт не находит однозначного объяснения в рамках эволюционизма, то он принимается к рассмотрению и интерпретируется «в свою пользу»; если же он не льет воду на мельницу антиэволюционизма — объявляется сомнительным, сфабрикованным, а значит — отбрасывается. К примеру, в 1972 г. С. Гулд, автор теории, известной как «Пунктирная эволюция» (или «Прерывистое равновесие»), неудачно выразился, заявив, что в рамках его скачкочной (скачкообразной) модели возможно «мгновенное видообразование». «Научные креационисты» подхватили эту мысль, апеллируя к авторитету известного палеонтолога-эволюциониста. Однако если бы они познакомились с эволюционной моделью С. Гулда и Н. Эддриджа, то узнали бы, что речь идет о «мгновенности видообразования» по геологическим масштабам времени. Согласно этой теории фазы стазиса, продолжающиеся примерно 10^{15} поколений, чередуются с фазами преобразований продолжительностью 10^3 – 10^4 поколений. Понятно, что ни о какой «мгновенности» видообразования речи не идет.

- Придание артефактам статуса научного факта. К примеру, они убеждены, что люди и динозавры — современники, что динозавры (или их яйца) были взяты в Ноев ковчег, а их окаменелости — результат всемирного потопа. Данные по датированию, согласно которым динозавры вымерли 65 млн лет назад, в расчет не принимаются, поскольку все методы геохронологии объявляются ложными. Любопытен в этом отношении прецедент, связанный с обнаружением в меловых террасах Паллукси (США) полуметровых «человеческих» следов, принадлежащих, по мнению креационистов, «библейским гигантам». Исследованиями, проведенными в 80-е гг. XX века с использованием методов, применявшихся при дешифровке космических снимков, было установлено, что впереди следов «библейских гигантов» есть тонкие канавки, оставленные когтями. Это означает, что следы принадлежали не людям, а ящерам. Однако креационисты упорно не желали признать этот факт. Чтобы прекратить тиражирование нелепой идеи о сосуществовании людей и динозавров, палеонтологи провели в 1986 г. специальную конференцию. В ходе ее работы была убедительно доказана ошибочность креационистской версии,

что признали не только ученые, но также и лидер креационистов Генри Моррис [*Лалаянц*]. Однако российские креационисты до сих пор, вопреки научной добросовестности, подают неискушенным читателям версию о «библейских гигантах», прогуливавшихся с динозаврами, как «последнее достижение науки» [*Евсеев*].

- В любой креационистской книге читатель непременно найдет занимательные истории о подделках, причем как реальных, обнаруженных и дезавуированных самими учеными-эволюционистами, так и выдуманных креационистами. Например, о синантропе — пекинском человеке, который, якобы, был вовсе не древним представителем рода *Homo*, а обезьяной, которую использовали в пищу люди, обитавшие в поселении мустьерского типа [*Головин, 51–56*]. Главные «разоблачительные» аргументы при этом сводятся к пересказыванию набора анекдотических случаев, а давно известные факты преподносятся с таким пафосом, будто сообщается нечто новое и неслыханное. Таковы рассказы об эоантропе — человеке зари. Креационисты полагают, что, развенчав пилтдаунскую¹ подделку, они перевернули или даже разрушили все здание палеоантропологии. Однако при этом забывают сообщить, что эта фальсификация была раскрыта самими эволюционистами, в частности — профессором анатомии Оксфордского университета Дж. Уайнером [*Джохансон, Иди*].

- Спекуляции на сложностях, с которыми сталкивается эволюционная биология. Муссируются проблемы, не имеющие окончательного решения, вызывающие споры, для объяснения которых предлагаются разные гипотезы: например, механизм видообразования, переходные формы между крупными таксонами и др.

- В адрес ученых звучат оскорбительные выпады. Так свящ. Даниил Сысоев назвал их «представителями дикого племени ученых» [*Сысоев*]. Но особенная ненависть изливается на Ч. Дарвина, которого именуют «недоучившимся семинаристом» и «естествоведом-любителем». И это о человеке, учившемся на медицинском факультете Эдинбургского университета (1826–1828), далее на Богословском факультете Кембриджа (1828–1831), по окончании которого он получил степень бакалавра теологии, а позднее этот же университет присвоил ему докторскую

1. Найденный в 1912 г. в Пилтдауне (на юге Великобритании) череп якобы древнего предка человека; впоследствии находка была разоблачена как фальсификация. — *Прим. ред.*

степень. К тому же Дарвин, с детства проявлявший большой интерес к естествознанию, много занимался самообразованием под руководством крупных ученых — зоолога Р. Гранта, ботаника Д. Генсло, геолога А. Сэдживика, ихтиолога и энтомолога Л. Дженкинса и др. Помимо этого Ч. Дарвин был членом Плиниевского студенческого научного общества. Следует заметить, что обвинители Дарвина сами, как правило, не имеют специального биологического образования, что отчетливо проявляется при знакомстве с их публикациями.

- Критический пафос креационистов направлен исключительно против дарвинизма, к тому же понимаемого поверхностно, если не сказать примитивно. Дарвинизм 150-летней давности — это основной плацдарм «боевых действий». Судя по грубым ошибкам, работы Ч. Дарвина его оппонентами проштудированы не были.

- Необоснованно ставится знак равенства между дарвинизмом середины XIX века и идеей эволюции в целом; не принимаются во внимание никакие другие эволюционные модели, предложенные плеядой выдающихся ученых, такие как номогенез Л. С. Берга, диатропика С. В. Мейена, христоргенез П. Т. де Шардена, идеи А. А. Любищева и пр.

- Антиэволюционные выводы основываются не на оригинальных академических исследованиях постдарвиновского периода, поскольку ссылки на подобные работы в креационистской литературе не встречаются, а на поверхностно перетолкованных переложениях все того же дарвинизма.

- Особой отличительной чертой креационистской литературы является вопиющая научная безграмотность ее авторов, помноженная на высокомерную, менторскую уверенность в своей правоте. Нередко приходится сталкиваться просто с анекдотическими примерами. Так С. Ю. Вертьянов, автор учебника «Общая биология» для 10–11 классов общеобразовательных учреждений с преподаванием биологии на православной основе, в интервью журналу «Нескучный сад»² утверждал, что у мужчин на два ребра меньше, чем у женщин, поскольку Ева сотворена из ребра Адама.

2. Вертьянов С. Ю. Идею, что мир создан Богом 7 тысяч лет назад, ничто не опровергает. URL: <http://www.nsad.ru/articles/ideyu-chto-mir-sozdan-bogom-7-tysyach-let-nazad-nichto-ne-oprovergaet> (дата обращения: 22.04.2013).

- Превалируют пошлые, карикатурные иллюстрации, кочующие из одной креационистской книги в другую.

- В качестве «научных аргументов» креационисты особенно любят использовать цитаты святых отцов — тщательно отфильтрованные, вырванные как из контекста самой работы, так и из исторического, культурного, научного контекста, в котором работа создавалась. От подобного профанного цитатничества не свободна ни одна публикация отечественных креационистов. Следует заметить, что мы напрасно стали бы искать у святых отцов мнение относительно «эволюционизма», поскольку это понятие вошло в научный тезаурус, строго говоря, лишь с появлением работы Ч. Дарвина.

- Текст Писания, к которому апеллируют креационисты, трактуется с недопустимой богословской поверхностностью. Фактически это не экзегеза, а профанация христианского богословия. Отчетливо проявляется неспособность креационистов видеть различия в понятийной базе библейской и современной эпохи. Допустимой признается лишь школа буквального толкования Писания. В итоге напрашивается вывод, что «научные креационисты» узурпировали Божью волю, «позволив» Господу творить мироздание только и исключительно так, как считают правильным они сами. Вследствие этого Творец, в их интерпретации, «...вынужден, — пишет ученый и богослов Стенли Яки, — совершать бессмысленные чудеса вроде создания Земли прежде Солнца. Он также вынужден заниматься кропотливым творением, причем в совершенно определенной последовательности, миллионов видов растений и животных. Обилие чудес приводит в точности к такому же результату, что и обилие денежных купюр: и в том, и в другом случае происходит девальвация» [Яки, 267].

- В пылу полемики креационисты не пренебрегают публичными анафематствованиями своих оппонентов, причем как живых, так и преставившихся ко Господу. Например, под их анафему уже после своей кончины попали уважаемые, заслуженные протоиереи Александр Мень († 1990) и Глеб Каледа († 1994). Эти действия, противоречащие не только здравому смыслу, этике, но и церковному праву (поскольку ни священник, ни тем более дьякон не обладают каноническим правом анафематствовать кого бы то ни было), объясняются ими весьма своеобразно. Поскольку эволюция — это «ложная вера», «ересь», то все «православные» эволюционисты (слово «православные» они заключают в кавычки): священники, ученые, учителя — это еретики, извратившие

православное догматическое учение, возводящие хулу на Духа Святого (единственный непрощаемый грех), а значит, они должны быть анафематствованы и отлучены от церкви [Александров, 6]. Однако ни один из вселенских или поместных соборов не предписал в своих постановлениях считать идею эволюции природы ересью.

В чем ущербность креационистской методологии? Прежде всего — в неадекватности духу христианства и современной библеистике как богословской дисциплине. Отстаиваемая «картина мира» основана на *буквоклонстве* — тотальном подчинении букве Писания. Эта методология глубоко антимиссионерская по своей природе, она прокладывает прямой и короткий путь к атеизму, к безбожному мирозерцанию. Креационизм так искажает и религиозный, и научный взгляд на мир, что более-менее грамотный человек, вкусивший этот «плод», утрачивает доверие не только к церкви, но и к христианству в целом. В креационистской интерпретации оно превращается в курьез, посмешище, нелепость.

Методология научного креационизма неадекватна и современной научной картине мира. Эта неадекватность проявляется в том, что выстраивается мифологизированная картина, основанная на игнорировании, умолчании, искажении научных данных. В своих публикациях креационисты, как было показано выше, не брезгают даже *апологетической ложью* (термин, предложенный Юргеном Хенрихсоном). П. Тиллих писал, что фундаментализм «уничтожает естественное и искреннее стремление к поиску истины, разрушает совесть своих мыслящих приверженцев и превращает их в фанатиков, поскольку они вынуждены пресекать, подавлять и скрывать смутно сознаваемые ими элементы истины» [Тиллих, 9]. Этот «диагноз» может быть в равной мере поставлен и научному креационизму — детищу фундаментализма.

В чем основное недомогание научного креационизма, приведшее к этим неадекватностям? Возможно, в полной утрате его адептами символического мышления. Именно поэтому они довольствуются поверхностными решениями, а не пытаются проникнуть в глубину проблем, которые берутся «подправлять». Пытаясь догматизировать науку, креационисты забывают, что ее неотъемлемыми чертами является открытость, способность к испытаниям, готовность к самокритике и пересмотру каких-либо положений, даже отказ от них, если они не выдержали

дальнейшей проверки. А используемая креационистами «методология» делает бессмысленным научный поиск. По сути, под антуражем православия нас хотят вернуть к мифологическому миропониманию. Креационизм, будучи квази-теологическим мышлением, лишь маскируется под истинную науку и истинное богословие. При внимательном анализе он — ни то, ни другое. Он — подделка, имитация, причем не слишком искусная.

Конечно, критика — неременная составляющая научного поиска, поэтому не следует закрывать глаза на то, что в современной эволюционной биологии есть нерешенные проблемы, а значит открытые для критического анализа позиции. Но все же задача науки — создание целостной картины мира, а не тотальный скептицизм, критиканство, разоблачения и развенчания. Называя креационизм «наукой», его апологеты не могут предъявить оригинальную «креационную концепцию», имеющую сколько-нибудь серьезную доказательную базу. Труды «ученых-креационистов» невозможно найти ни в одном научном издании — они попросту не соответствуют требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Отсутствуют не только оригинальные исследования, но и все, что их сопровождает, — статьи, диссертации, монографии. А те публикации-компиляции, которые заполнили наши церковные книжные лавки, не отвечают критериям научности.

Итак, мы вынуждены констатировать, что попытка междисциплинарного проекта под названием «научный креационизм» лишена не только научной ценности, но и эвристического потенциала. За этим движением стоит лишь онтологическая пустота. Однако это не означает, что наука и богословие обречены на автономное существование или конфронтацию. Для создания новой миссиологии, ради плодотворной проповеди христианства, обращенной к человеку XXI века — века науки, мы не можем позволить себе оставаться в резервации, на задворках интеллектуального бытия! И пожалуй, единственный урок, который можно извлечь из корректного анализа «креационной науки», — это осознание того, что идти к диалогу науки и богословия необходимо по принципиально иному пути. Их взаимодействие в области *гетерогенных зон* не предполагает отказа от накопленного знания, не допускает шельмования ученых, даже и совершивших непреднамеренные ошибки, но использует всю полноту накопленного научного потенциала для концептуальных построений, которые не перечеркивали бы предыдущие гипотезы и теории, а являлись бы их расширением, продолжением, творческим осмыслением

и развитием. Ранее накопленное знание при этом органично вплетается в новое как некий предельный случай.

* * *

Основная полемика разворачивается следующим образом. Весь огонь критики со стороны «научных креационистов» направлен на идею эволюции, которая вызывает у них резкое неприятие. Очевидно, что дискутировать можно, лишь точно определив, что входит в это понятие, история которого началась не с Ч. Дарвина, а много раньше. В 1677 г. в Англии был издан трактат «The Primitive Origination of Mankind Considered and Examined According to the Light of Nature» («Первоначальное происхождение человеческого рода, рассмотренное и испытанное согласно свету природы»). Он принадлежал перу богослова Мэтью Хейла (M. Hale, 1609–1676). Эта работа примечательна тем, что в ней автор употребил термин «эволюция» именно в том смысле, в котором он используется современной наукой. «Мы не должны воображать, — писал он, — что все виды и роды были сотворены в той форме, в какой мы видим их сегодня, — нет, сотворены были только те виды и роды, которые мы зовем архетипами, а остальные развились из них под влиянием множества обстоятельств... Возможно, что виды, ныне различные, были первично одним видом, но приобрели некоторые случайные различия с течением времени»³. Прочитанный фрагмент свидетельствует, что идея постепенного появления видового разнообразия вследствие естественных процессов четко осознавалась богословом середины XVII столетия. Этот труд — семя эволюционной биологии, взошедшее в Новое время. Однако прозрения М. Хейла были рождены размышлениями над картиной творения, описанной в Шестодневе. Итак, понятие эволюции в широком смысле родилось не в научном, а в богословском дискурсе.

Термин «эволюция» образован от латинского *evolutio*, означающего «развертывание, раскрытие, развитие» [Дворецкий, 293]. В словаре Владимира Даля читаем: «Эволюционировать — постепенно развиваться». А «эволюционизм» в его определении — это «теория развития, рассматривающая вселенную с точки зрения движения, развития, совершенствования» [Даль, Ст. 1526]. Современный «Биологический энциклопедический словарь»

3. Цит. по: [Чайковский, 33].

определяет эволюцию как «необратимый процесс исторического изменения живого» [*Биологический словарь*, 726]. В «Популярном биологическом словаре» эволюцией названо «необратимое и, в известной мере, направленное историческое развитие живой природы» [*Реймерс*, 493]. Таким образом, никакого антирелигиозного, богоборческого смысла это понятие не несет. Оно лишь определяет некий феномен, результатами которого являются: многообразие видов; развитие от простого к сложному (морфофизиологическое усложнение); тонкое приспособление вида к условиям среды обитания. Задача эволюционной биологии — объяснить механизмы этих отнюдь не тривиальных процессов.

«Научные креационисты» утверждают, что не существует экспериментальных доказательств, подтверждающих факт эволюции. Так ли это? В последние годы были сделаны чрезвычайно важные открытия, которые приблизили нас к пониманию механизмов биологической эволюции. Не будет большим преувеличением утверждение о том, что «поле эволюционной битвы» переместилось из области палеонтологии в область молекулярной генетики, палеогенетики и эволюционной эмбриологии.

Наиболее принципиальным является вопрос о том, как осуществляются крупные эволюционные преобразования (макроэволюция). Попытки экспериментально осуществить макроэволюцию за счет мутагенеза, действительно, оказались безрезультатными. Однако в 1965 г. швейцарский генетик В. Геринг открыл у плодовой мушки дрозофилы (*Drosophila melanogaster*) так называемые гомеозисные мутации регуляторных генов. Дальнейшие исследования показали, что эти гены контролируют программы развития организма начиная с самых ранних эмбриональных стадий. В их функции входит также переключение путей эмбрионального развития. Детальное изучение структуры и функционирования гомеозисных генов привело к важным открытиям, востребованным эволюционной биологией.

Оказалось, что гомеозисные гены — не уникальны, они присутствуют у всех изученных организмов, от бактерий до человека. У млекопитающих они называются *Нох*-генами (гомеобокс-содержащими генами). Следовательно, они не являются ни редкостью, ни исключением из правила. К настоящему времени открыто более 300 таких генов, разделенных на 30 классов. Более того, эти гены выделены, клонированы, их структура детально исследована. Устроены они довольно сложно: в их состав входит более 100 тысяч пар нуклеотидов, при этом обязательно

присутствует общий участок — так называемый гомеобокс. Он кодирует особый белок — домен. Обнаружено аминокислотное и функциональное сходство доменов у всех живых организмов. Функцией этого белка является регуляция работы больших групп структурных генов. Воздействуя на них, гомеобокс управляет развитием морфологических признаков.

Конечно, встал вопрос: как мутации в гомеозисных генах отразятся на индивидуальном развитии особи? Эти работы были выполнены на дрозофиле. Путем искусственной делеции (делецией называется потеря фрагмента ДНК), вызванной во время эмбриогенеза в одном из ее гомеозисных генов, удалось получить четырехкрылую муху. Далее путем получения серии делеций разных участков гомеозисных генов был последовательно реконструирован весь эволюционный путь этого вида, относящегося к отряду *Diptera* (двукрылые). Итак, путем изменений структуры регуляторных генов было четко показано, как четырехкрылые насекомые эволюционировали в двукрылые формы. Генетический след эволюционного пути вида остался запечатлен в генах дрозофилы.

Другие мутации гомеозисных генов дрозофилы привели к появлению бескрылых форм. Помимо этого были получены мутанты дрозофилы, подобные современным многоножкам (одна из групп животных, относящихся к типу Членистоногих, подтипу Трахейнодышащих) и онихофорам (беспозвоночным животным, напоминающим кольчатых червей). Таким образом, путем генетических экспериментов установлено, что с помощью воздействий на гомеозисные гены можно вызывать у зародышей крупные изменения, ведущие, в конечном счете, к образованию не только новых видов, но и более высоких таксономических групп — семейств, отрядов и т. д.

В 1974 году было сформулировано представление о том, что причиной морфологической эволюции является в первую очередь эволюция регуляторных генетических элементов. Эта гипотеза теперь обрела строгое молекулярно-генетическое подтверждение.

Итак, реализация программы эмбрионального развития осуществляется путем сложных и тонких механизмов, вложенных в живое. Вероятно, изменения в регуляторных (гомеозисных) генах способны вывести эмбрион на новые пути развития, что приводит в конечном счете к появлению организмов, не принадлежащих к исходному виду. *Эпигенетический ландшафт* (термин, предложенный К. Уоддингтоном) четко канализирован, по нему

пролегают пути (варианты) развития. Эволюционный путь, по которому пойдет развитие каждого вида, определяется регуляторными генами. Смена пути — тоже предусмотренный сценарий. Но новый путь пролегает не по бездорожью, а по предсуществующим на эпигенетическом ландшафте каналам.

Но тут не избежать принципиально важного вопроса: за счет чего происходит смена эволюционного пути? Поиск ответа выходит за пределы «чистой» науки. Здесь возможны два варианта: выбор происходит в силу случайных событий или он в какой-то мере предопределен. По этому признаку все существующие модели эволюции могут быть разделены на две группы:

1) модели эволюции, в основе которых лежит идея статистической случайности, носят название тихогенетических (от греческого «τύχη» — случай);

2) модели эволюции, основанные на закономерности, называются телеологическими (от греческого «τέλος» — цель), или теистическими.

В первом случае смена пути развития — процесс случайный. Если эволюция основана на абсолютно случайных событиях, то в таком сценарии нет места целеполаганию, Промыслу. Во втором случае присутствует целеполагание, что позволяет интерпретировать эволюцию как механизм развертывания Божьего замысла во вселенной. Я бы рискнула назвать телеологическую модель эволюции инструментом в деснице Создателя. Наиболее известные телеологические теории — это номогенез Л. С. Берга, христианский эволюционизм Пьера Тейяра де Шардена, диатропика С. В. Мейена и ряд других. Конечно, выбор между этими двумя моделями — это вопрос религиозно-философского мировоззрения ученого. Но обнаруженные генетические регуляторные механизмы не исключают внешних, сакральных воздействий для выбора эволюционного пути.

Однако хотелось бы сделать уточнение. Эту возможность внешнего воздействия не следует понимать как тотальный контроль и непрерывное личное участие Творца в каждом отдельном эволюционном событии. В этом нет необходимости, поскольку в живое вложены тонко отлаженные механизмы, работающие по заданной программе. Эмбриональное развитие каждого организма — иллюстрация сказанному. Молекулярно-генетическое управление программами развития, возможность смены этих программ открывает путь для регуляции процессов филогенеза через онтогенез.

Полагаю, что обнаружение в ДНК живых организмов регуляторных сетей — свидетельство того, что эволюционная история вида сохраняется в виде молекулярно-генетических следов в геноме. Мы долгое время не располагали методами, позволяющими нащупать, прочесть, понять эти следы. Но благодаря успехам молекулярной генетики «тайное стало явным». Это служит не только прямым доказательством факта эволюции, но и позволяет по-новому интерпретировать ее возможные механизмы: в ходе эмбриогенеза осуществляется не только регуляция морфогенеза особи, но также происходит выбор из ряда альтернатив эволюционного пути развития. В механизмах этих двух процессов усматривается множество параллелей: иерархичность, блочность, каскадность и др. Протекание этих процессов подчинено единым молекулярно-генетическим регуляторным механизмам. Идея эволюции приобрела достаточные основания для признания ее достоверности.

В свете этих открытий стало понятно, что проблема получения новых видов из области селекции должна переместиться в область молекулярной генетики и эмбриологии. Попытки получать новые виды с помощью гибридизации или мутагенеза с последующим искусственным отбором оказались неэффективными именно потому, что механизм видообразования иной. Для создания новых видов необходимо работать с гомеозисными генами, переключающими пути *эволюционно-значимого эмбриогенеза*. Незначительная, на первый взгляд, мутация регуляторного гена приводит к коренной реорганизации морфологии и физиологии особи. И последствия могут быть столь существенны, что особь выйдет не только за свою видовую границу, но и гораздо дальше, в ранг нового рода или даже семейства. Один из известных российских палеоботаников, автор эволюционной модели, известной как диатропика (от лат. *Diatropos* — разнообразный), С. В. Мейен еще в 70–80-е гг. XX века на ботаническом, зоологическом и палеонтологическом материале показал, что эволюция идет не от вида к виду, а именно от семейства к семейству. Сейчас эта идея обрела молекулярно-генетическое обоснование.

Нельзя не отметить, что обнаружение этого механизма эволюции имеет еще как минимум два важных следствия: 1) скорость процесса видообразования может быть очень большой; 2) снимается проблема «переходных форм». При таком характере эволюционного движения переходные формы между крупными таксонами должны быть крайне малочисленны и редки. Поэтому

их обнаружение — большая удача. Но все же они есть, как бы это ни дезавуировали «научные креационисты».

Одна из таких форм, верхнедевонская рыба, получившая название тиктаалик (*Tiktaalik rosea*), была найдена в 2006 г. на одном из островов северной Канады. Возможно, это уникальное существо является связующим звеном между классами рыб и амфибий.

Однако разрывы в эволюционной летописи все же существуют. Но они говорят не об отсутствии эволюции, а лишь об ином характере ее движения на разных иерархических уровнях — не градуалистическом (постепенном), а, скорее, скачксообразном (скачкообразном). К тому же эти разрывы — морфологические. Между тем на генетическом уровне существует четко прослеживаемая преемственность развития. Ясно, что искать переходные формы надо не только среди окаменелостей, но и в генах ныне живущих организмов.

Вот одно яркое доказательство. В 2006 г. группой ученых из института М. Планка (Германия) была получена мутация в одном из регуляторных генов у 14-дневных куриных эмбрионов. В результате на свет появились жизнеспособные цыплята с зубами. Эти исследования доказывают, что генетический потенциал для формирования зубов присутствует у птиц, хотя все они лишены зубов. Птицы, как известно, произошли от рептилий, имеющих, за редким исключением, многочисленные конические недифференцированные зубы. Структурные гены, ответственные за их формирование, как показал эксперимент, сохранились в геноме птиц. А вот регуляторные гены изменились таким образом, что перестали активизировать работу структурных генов, что и привело к появлению нового признака у представителей класса Птиц — отсутствию зубов.

В целом можно утверждать, что регуляторные гены играют важнейшую роль не только в морфогенезе, но также и в эволюции живого. Исследования гомеозисных генов вплотную приблизили нас к пониманию механизмов появления эволюционных новшеств. Поэтому знаменитый «Биогенетический закон», сформулированный, а вернее, фальсифицированный Эрнстом Геккелем [Соловьев, 20; Гилберт 1, 146; Гилберт 3, 309], гласящий, что «онтогенез повторяет филогенез», должен быть переформулирован следующим образом: *эмбриогенез созидает филогенез*. Именно в процессе индивидуального эмбрионального развития возникают решения, которые впоследствии используются эволюцией.

В эволюционной биологии существует еще одна острая проблема — вопрос о том, образуются ли сейчас новые виды. Креационисты утверждают, что видообразование не идет, поскольку таких фактов нет. Так ли это?

В одном из номеров «*Nature*» (2006) описан бесспорный случай видообразования у рыб. Речь идет о двух видах цихлид, обитающих в небольшом озере Апайо в Никарагуа. Это озеро образовалось 23 тысячи лет назад и с тех пор полностью изолировано от других водоемов. Один вид этих рыб встречается и в других местах, а вот второй — только в данном озере. Путем сравнительных исследований ядерной и митохондриальной ДНК этих видов было показано, что уникальный вид-эндемик произошел от первого. Причем видообразование произошло довольно быстро. О том, что это два разных вида, а не внутривидовые разновидности, свидетельствуют проведенные морфологический, этологический и экологический анализы.

Существуют давно известные факты искусственного получения новых видов, например, в работах российского зоолога Г. Х. Шапошникова на тлях [*Шапошников*]. Изменив систему питания одного из видов этих насекомых, а фактически поставив их в очень жесткие селективные условия, автору всего за несколько десятков поколений удалось получить вид тли, который не только приобрел морфологические черты другого вида, но и перестал скрещиваться с представителями своего исходного вида. Таким образом, зафиксирован реальный акт микроэволюции.

Альтернативным механизмом образования видов является гибридизация. Путем искусственной гибридизации получен целый «зоопарк» новых плодовых гибридных видов: это рыбы бестер — гибрид белуги и стерляди, остер — гибрид осетра и стерляди. Любителям домашних животных хорошо известен симпатичный зверек хонорик — гибрид хорька и норки. Кинологами выведены плодовые волкособы (*Wolf-Dog*) — гибрид волка и собаки, которые используются для охраны российских границ. Также получены различные зеброиды (*Zebroid*): гибрид зебры и лошади — зошадь (*Zorse*), гибрид зебры и осла — зосел (*Zonkey*), гибрид зебры и пони — зоны (*Zony*); гибрид между одногорбым и двугорбым верблюдами, гибрид верблюда и ламы — верлама (*Cama*), гибрид белого медведя и гризли (*Grolar*), гибрид леопарда и львицы — леопон (*Leopon*), гибрид льва и тигра — лигер (*Liger*), гибрид косатки и дельфина — кольпин (*Wilpin*), гибрид кабана и свиньи — зрелая свинка (*Iron Age*

Pig). Зачастую подобная гибридизация спонтанно происходит и в природе.

Среди растений также наблюдается отдаленная гибридизация. Показано, что слива — это природный гибрид между алычой и диким терновником, который спонтанно возник около 5 тыс. лет назад. Современные опыты по гибридизации этих исходных растений позволили заново получить сливу, т. е. новый стабильный вид. В специальной литературе описаны и другие аналогичные примеры. Однако при всех успехах гибридизацию нельзя признать магистральным путем видообразования. Скорее, это какая-то «резервная возможность» получения новых видов.

А теперь поразмышляем над вопросом: что есть эволюция — интеллектуальный соблазн или пространство Божественного Откровения? Теория, доказывающая, что развитие живой природы возможно самопроизвольно, без Бога, или концепция, допускающая участие Творца? Если признать, что эволюция имеет цель, в направлении которой идет развитие, а эта идея получает все большее признание и даже вошла в одно из определений эволюции [*Реймерс, 493*], то неизбежно встает вопрос: что (или Кто) установил эту цель и направляет к ней эволюцию? Тихогенетические теории, основанные на реализации абсолютно случайных событий, не могут быть соединены с идеей творения. Телеологические теории не просто дают такую возможность, но и нуждаются в творческой, разумной силе, которая дает эволюционному движению магистральное направление — цель.

Внимательное чтение Шестоднева, многочисленных комментариев на него приводит к осознанию, что в этом лаконичном тексте излагается принципиальная схема эволюционной лестницы — поэтапного, иерархического развертывания Замысла Божьего в мире. Этапами, иерархическими уровнями этого развертывания являются библейские дни творения, переданные словом-символом «йом». Однако эволюция не тождественна творению, поскольку развертываться (эволюционировать) может то, что уже существует в какой-то форме — например, в форме замысла (логоса). Она есть лишь инструмент, назначение которого — развертывание Замысла. При этом ее движущей силой является не борьба за существование, а Любовь. Это прозрение о креативных свойствах любви принадлежит Пьеру Тейяру де Шардену (1881–1955) — эволюционисту, палеонтологу, христианскому богослову. Как Единство Троицы скреплено Любовью, так и единство личностей во Христе, согласно Шардену, тоже может быть

обретено лишь на путях любви, которая является не только высшей формой человеческой энергии, но и ключевым двигателем эволюции, устремленной к богоданной цели [Тейяр де Шарден, 208–211].

Представленный взгляд на эволюцию живой природы позволяет снять необоснованные претензии, предъявляемые ей со времен Ч. Дарвина. Эволюция перестает быть интеллектуальным соблазном. Она видится в иной перспективе — как величественный процесс, посредством которого Господь являет Свою волю, разворачивает Свой Замысел, становясь пространством Его Откровения. Этот, может быть, непривычный ракурс значительно расширяет возможности исследования и понимания эволюции — естественной и сверхъестественной реальности.

Литература

1. Александров = Александров В. Анафема в адрес учителей. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/1999-12-08/6_anafema.html (дата обращения: 20.06.2013).
2. Алферов = Алферов Тимофей, свящ. Наука о сотворении мира : Православный взгляд : Пособие для учащихся. М. : ТОО «Литератор», 1996. 64 с. (Серия «Русский учитель»; Вып. 1).
3. Биологический словарь = Биологический энциклопедический словарь / Под ред. М. С. Гилярова. М. : Советская энциклопедия, 1989. 863 с.
4. Вшолек = Вшолек С. Рациональность веры. М. : Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2005. 145 с.
5. Гилберт 1 = Гилберт С. Ф. Биология развития : В 3 т. / Пер. с англ. А. С. Гинзбург, Г. М. Игнатъевой; Ред. С. Г. Васецкого, Т. А. Детлаф. Т. 1. М. : Мир, 1993. 228 с.
6. Гилберт 3 = Гилберт С. Ф. Биология развития : В 3 т. / Пер. с англ. А. С. Гинзбург, Г. М. Игнатъевой; Ред. С. Г. Васецкого, Т. А. Детлаф. Т. 3. М. : Мир, 1993. 352 с.
7. Головин = Головин С. Эволюция мифа : Как человек стал обезьяной. Симферополь : Христианский научно-апологетический центр, 1999. 96 с.
8. Даль = Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. Репр. воспроизведение изд. 1903–1909 гг. М. : Прогресс, 1994. Т. 4. 1592 стб., [56] с.
9. Дарвин. Миросозерцание = Дарвин Ч. Мое миросозерцание : Религиозное миросозерцание / Пер. с англ. С. П. и Г. Г. Сониных, введ. Б. Вилле, ред. В. В. Битнера. СПб. : Вестник знания, 1907. 144 с.

10. *Дарвин. Происхождение* = Дарвин Ч. Происхождение видов / Пер. с англ. К. А. Тимирязева, ред. Н. И. Вавилова. М.; Л. : Сельхозгиз, 1935. 630 с.
11. *Дворецкий* = Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М. : Рус.яз., 2000. 843 с.
12. *Джохансон, Иди* = Джохансон Д., Иди М. Люси : Истоки рода человеческого. URL: <http://vadim-blin.narod.ru/LUCY/07-1-03.htm> (дата обращения: 18.06.2013).
13. *Евсеев* = Евсеев А. Ящеры победили креационистов. URL: http://www.pravda.ru/science/useful/17-08-2012/1122294-palluxi_river-0 (дата обращения: 19.06.2013).
14. *Каледа* = Каледа Глеб, прот. Образование, наука, искусство // Он же. Домашняя церковь. URL: <http://www.synergia.itn.ru/kerigma/brak/kaleda/dom-cer/dc-6.htm> (дата обращения: 22.04.2013).
15. *Курочкин* = Курочкин Е. Н. Протоавис, амбиортус и другие палеонтологические редкости // Природа. 1991. № 12. С. 43–53.
16. *Лалаянц* = Лалаянц И. Чего не знал Дарвин! URL: http://www.tinlib.ru/pauchnaja_literatura_prochee/chego_ne_znal_darvin/p2.php (дата обращения: 18.06.2013).
17. *Мамонтов* = Мамонтов С. Г. Надо ли пересматривать теорию Дарвина? // Биология. 2009. № 3. С. 2–9.
18. *Резолюция* = Резолюция ПАСЕ : The dangers of creationism in education. URL: <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta07/ERES1580.htm> (дата обращения: 22.04.2013).
19. *Реймерс* = Реймерс Н. Ф. Популярный биологический словарь. М. : Наука, 1990. 544 с.
20. *Ромашко* = Ромашко Андрей, свящ. О сектантском происхождении так называемого «научного креационизма» // Сборник Новосибирской Епархии РПЦ. 2007. № 3. С. 48–67.
21. *Соловьев* = Соловьев Н. Несколько слов о Геккеле // Он же. «Научный» атеизм : Сб. ст. о проф. Геккеле, Мечникове и Тимирязеве. М. : Творческая мысль, 1915. С. 11–32.
22. *Сысоев* = Сысоев Даниил, свящ. Писал ли Моисей закон, или несколько слов о библейской критике. URL: http://creatio.orthodoxy.ru/articles/dsysoev_okritike.html (дата обращения: 22.04.2013).
23. *Тейяр де Шарден* = Пьер Тейяр де Шарден. Феномен человека. М. : Наука, 1987. 239 с.
24. *Тиллих* = Тиллих П. Систематическое богословие / Пер. М. В. Данилушкина. СПб. : Алетейя, 1998. 493 с.
25. *Филарет (Вахромеев)* = Филарет (Вахромеев), митр. Наука и богословие : на пути к взаимопониманию : Доклад на семинаре «Наука и богословие : от конфронтации к диалогу?». М. : Институт философии РАН,

- 22 февраля 2005 г. URL: <http://www.religare.ru/print14963.htm> (дата обращения: 22.04.2013).
26. *Чайковский* = Чайковский Ю. В. Эволюция. М. : Центр системных исследований, 2003. 472 с.
27. *Шапошников* = Шапошников Г. Х. Морфологическая дивергенция и конвергенция в опытах с тлями (Homoptera) // Энтомологическое обозрение. 1965. Т. 44. Вып. 1. С. 3–25.
28. *Яки* = Яки С. Спаситель науки : О роли христианства в зарождении и развитии науки / Пер. с англ. И. В. Лупандина. М. : Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина, 1992. 314 с.
29. *Whitcomb, Henry* = Whitcomb J., Henry M. The Genesis Flood : the Biblical record and its scientific implications. Philadelphia, PA: Presbyterian and Reformed Publishing Co., 1961. 518 p.

G. L. Muravnik

“False ideas are the greatest obstacle on the way of the Gospel”

The article presents an outlook over a possibility of the synthesis of science and religion. Modern development of a doctrine of the contemporary Church requires a dialogue between the evolutionary biology and Christian theology. The dialogue will allow to convey the nunciate in a form adequate for the Gospel addressee, i. e. for the people living in “the age of science”. This is one of the most urgent missionary tasks. The article critically analyses the alternative to structuring of such a dialogue — phenomenon of “scientific creationism”. The reasons of its methodological, ontological, theological inadequacy for the scientific world view are explained. Building its arguments on modern research of the evolution mechanisms, the author presents a possible understanding of the hexahemeron taking into account modern explanation of the evolution phenomenon. The given view on the evolution may answer all the claims, addressed towards it. It turns from an intellectual temptation into a space of Divine Revelation.

KEYWORDS: evolution, scientific creationism, creationists, Darwinism, homeotic genes, teleological evolution, tychohenetical evolution, hybridization, speciation.